

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ МАРШРУТ

Что бы вы сказали о человеке, который, желая утолить голод, принялся бы отправлять еду в помойное ведро? Или про того, кто, изнемогая от жары и утверждая, что больше всего на свете мечтает о прохладе, стал бы кутаться в шубу? А если некто попрощался с вами перед поездкой в Мурманск, но сел в поезд “Москва–Сочи”? И не потому что он такой рассеянный с улицы Басейной, а потому что, в силу каких-то загадочных причин, цель и средства ее достижения в его голове не связаны между собой. И даже диаметрально противоположны.

Хотя для психиатра никакой особой загадки тут нет. Когда целеполагание и движение к цели столь контрастны, это один из ярких признаков шизофрении, раздвоения личности.

Впрочем, даже не прибегая к диагностике, отметим, что подобное поведение обескураживает своей нелогичностью. Но когда речь идет о некоем частном лице, это мало кого затрагивает. Ну, один малость поголодает, а потом все же что-нибудь съест – голод не тетка; другой взопреет в шубе, но пар, как известно, костей не ломит; третьему проводник далеко уехать не даст...

Когда же признаки разорванности сознания проявляют общественные и политические деятели, это затрагивает уже значительное число людей и перестает быть частным вопросом. Один из ярчайших примеров такой “социальной шизофрении” – либеральный подход к профилактике ранних абортов, венерических заболеваний и СПИДа. Цель – побороться с вышеперечисленными отрицательными явлениями. Исходя из нормальной логики, что надо делать для достижения этой, безусловно важной, цели? Прежде всего, постараться обеспечить детям целомудренное воспитание. А для этого, в частности, преградить доступ к разнообразным видам информационного непотребства.

“Подростки тоже хотят жить”. По закону

На практике же все наоборот. “Профилактические” программы буквально топят детей в непристойной информации. В результате подростковых абортов, вензаболеваний и СПИДа становится все больше. Но “просветители” не собираются менять маршрут, сворачивать с ранее избранного пути. Рапортуя об очередном ухудшении ситуации, они лишь более уверенно идут к декларируемой цели прежней дорогой. В Англии, которая устойчиво лидирует в последние годы по числу подростковых беременностей, Ассоциация Планирования Семьи (FPA) уже предлагает обсуждать с подростками в школе ... порнографию. И готовит социальных работников для “поддержки” несовершеннолетних любителей порносайтов. “Уроки призваны повысить самооценку мальчиков и

отучить их смотреть на женщин как на неодушевленные объекты вожделения”, — пишет корреспондент “The Daily Mail” Дэниэл Мартин.

А в Америке, где с приходом Обамы либералы спешно отвоевывают слегка утраченные за время правления Буша позиции, в штате Вермонт предлагают узаконить подростковый “секстинг”. Для тех, кто не в курсе, сообщаем, что это такое новое хобби. Люди обмениваются непристойными фотографиями (вероятно, своими) или видео, в том числе сделанными при помощи мобильного телефона. В США это узаконено с 18 лет, но сейчас назрела необходимость в правовом урегулировании и для подростков, поскольку в подростковую среду тоже проникла новая мода. Поэтому юристы Вермонта считают, что нужно разрешить “секстинг” между детьми. Детишки тоже должны иметь право на модные хобби! Но только в очень четких возрастных рамках: от 13 до 18 лет. А если, к примеру, двадцатилетний парень пошлет свои интимные фотографии тринадцатилетней девочке, это уже должно квалифицироваться как педофилия и быть уголовно наказуемо. Подростки — другое дело, тут все по закону.

Впрочем, и с педофилией все не так безнадежно. В Голландии партия педофилов уже требует участия в выборах. Так что простор для новых “просветительских” инициатив еще вполне может расширяться.

Такую же разорванность сознания мы наблюдаем и в вопросе ювенальной юстиции. Остановимся на том аспекте, который мы в предыдущих статьях рассматривали лишь очень бегло: на подростковой преступности. Тем более что и ювеналы в последнее время стараются сфокусировать внимание общества именно на этой теме. Дескать, не волнуйтесь, никто не тронет нормальные семьи (хотя трогают — и еще как!), никто не будет отнимать детей у родителей (хотя отнимают все больше и больше). Нужно просто повсеместно создать суды для несовершеннолетних и применять к “детям, находящимся в конфликте с законом” — это теперь такой новый политкорректный термин — особый профессиональный подход, который позволит резко снизить подростковую преступность.

Что ж, посмотрим, насколько цели соответствуют результатам. Возможности для этого у нас немалые, ведь в западных странах, откуда продвигаются в Россию идеи ювенальной юстиции, она существует уже достаточно давно. Во Франции — так целых 60 лет. Эта страна, кстати, представляет для нас особый интерес, поскольку нарколог-правозащитник О. В. Зыков, упорно лоббирующий введение ювенальной юстиции (будем в дальнейшем для краткости обозначать ее как ЮЮ), ориентируется как раз на французскую модель.

Надежно защищенные преступники

В 2007 г. издательство “Глагол” выпустило книгу в прошлом известного советского, но уже несколько десятилетий живущего в Париже писателя Анатолия Гладилина. Название весьма красноречиво: “Жулики, добро пожаловать в Париж!” Прочитав несколько фрагментов, не нуждающихся в комментариях. “На вечерней парижской улочке я вижу, как потрошат салон роскошного “мерседеса”. На шухере стоит черный качок с мрачным выражением лица, рядом интеллигентный негр с седыми висками, который ласково улыбается редким прохожим. А в салоне шурует восьмилетний шоколадный мальчишка... Вот вам пример профессионализма с хорошим французским юмором, а главное, со стопроцентной гарантией безопасности. Ведь если прибежит хозяин “мерседеса”, то получит по роже от качка. Редкие прохожие, оценив обстановку, ответят улыбкой седовласому интеллигенту. Ну, а если вдруг появится полиция, то ей придется иметь дело лишь с восьмилетним мальчиком... А что имеешь с восьмилетнего ребенка? Он заметил, что дверь машины открыта, и забрался в нее поиграть. Всё? Всё. Своего адреса, естественно, ребенок не помнит, но может добраться домой сам. И полицейский, вздохнув, угощает ребенка конфетой и говорит, чтоб тот, возвращаясь домой, переходил улицу только на зеленый светофор”.

“По французскому либеральному законодательству, — продолжает автор, — дети до 13 лет вообще не подсудны. Если на парижской улице двухметровый громила вырывает у вас сумочку и пинает ногой в живот, причем среди бела дня, то он делает это не потому, что такой смелый, а потому что знает — он ничем не рискует, ему семнадцать с половиной лет, и, в худшем случае, после сотого привода в полицейский участок, ему дадут три месяца условно. В газетах такого громилу будут ласково именовать “ребенок”. Пол-

ная уголовная ответственность во Франции начинается с восемнадцатилетнего возраста. В марте 2002 года в газетах проскользнуло сообщение, что в Нантере арестован восемнадцатилетний юноша, который терроризировал этот парижский пригород в течение трех лет. Он вырывал у пожилых людей сумки и кошельки, а если старушка упорствовала, то он ее избивал. Полиции были прекрасно известны его подвиги, но она перестала его арестовывать. Какой смысл? Приведут “ребеночка” в участок – и в тот же день после душевспасительной беседы судья выпускает его на свободу. И вот только в марте, когда милый мальчик достиг совершеннолетия, его арестовали, начали расследование и выяснили, что на совести у шалуна 500 (!!!) ограблений и избиений. Он их совершал от 4 до 7 в день. Думаю, что такая регулярность и работоспособность даже взрослому матерому преступнику не по силам”.

“Бедные детки” не всегда ограничиваются избиениями и ограблениями. Люди, усвоившие правила новой, ювенальной жизни, зная об этом, предпочитают не связываться с ними ни при каких обстоятельствах. Ну, а те, кто еще живут прежними, устаревшими понятиями, могут жестоко за это поплатиться.

Юбилейные показатели (в 2009 году французской ювенальной юстиции стукнуло 60 лет) впечатляют. Дважды за последние годы в Париже разразились многодневные подростковые бунты. Причем ювенальные суды выпускали на свободу даже тех “ребятишек”, которые были захвачены на месте преступления. С 2002 года женская подростковая преступность выросла во Франции на 140%. В драке на автомобильной станции в Шелле, например, участвовало около 100 (!) девочек в возрасте от 14 до 17 лет. В ход шли ножи, гвоздомеры, палки и баллончики с газом.

Не хуже обстоят дела и в Англии. Банды из девочек-подростков, по сообщениям МВД Великобритании, отличаются особым садизмом. Криминальный возраст в результате усилий правозащитников сейчас снизился с 16 до 14 лет. Полиция сообщает, что в женской банде из Брикстона состоят даже десятилетние девочки. В городе Селби одна такая банда покалечила семидесятидвухлетнюю пенсионерку, сделавшую девочке замечание. Бедняга жила еще старыми представлениями и плохо изучала права детей. Или, может, по старости выжила из ума? Разве нормальный человек посмеет нынче делать малолеткам замечания? Кто как хочет, так себя и ведет. Права ребенка надежно защищены.

Обнадеживают и результаты работы правозащитников в английских школах. По данным статистики, издевательства там происходят все чаще. Опрос, в котором приняли участие 8,5 тыс. детей, показал, что 7 детей из 10 подвергались нападкам со стороны агрессивных товарищей.

А канцлер Германии Ангела Меркель предложила ужесточить наказания для малолетних преступников. Возникает вопрос: как она отважилась на такое безумное предложение? А просто дела очень плохи: 43% преступлений в Германии совершается лицами моложе 21 года. То есть, по немецким меркам, несовершеннолетними. Причем волна молодежной преступности продолжает нарастать.

Интересно, что ужесточила наказания для малолетних преступников даже прозападная Грузия. Еще в 2008 г. парламент утвердил в третьем чтении законопроект, предусматривавший снижение возраста уголовной ответственности с 14 до 12 лет. Законодатели, которым, видно, ювенальные политехнологии не успели задурить голову, справедливо сочли, что это будет содействовать сокращению уровня подростковой преступности. Права ребенка – это, конечно, хорошо, но когда приходится воевать по указке тех же западных хозяев, нельзя допускать разгула преступности, ослабляющего страну. И западные хозяева, обратите внимание, в данном случае закрывают глаза на такие, казалось бы, вопиющие нарушения прав “детей в конфликте с законом”.

В России тоже есть люди, которые понимают, чем грозит разгул молодежной преступности. В мае 2007 года депутаты Алтайского края рассматривали вопрос об ужесточении наказаний для несовершеннолетних преступников. После бунтов в колониях были оглашены страшные цифры: до 50% всех преступлений в среде несовершеннолетних – это тяжкие и особо тяжкие. Причем в последние годы эти преступления поражают еще и какой-то особой изощренной жестокостью, садистской изобретательностью.

Так, в 2007 году на одном из сочинских сайтов был объявлен оригинальный конкурс с премией в 3 тысячи долларов. Победителем должен был считаться тот, кто представит трехчасовую видеозапись садистской расправы над человеком. Только чтобы кровь была реальная, никакого клюквенного сока!

Призерами чуть было не стали восьмиклассницы из 22-й школы Приморско-Ахтарска, что на Кубани. Вдохновленные сценарным планом восемнадцатилетнего Димы Бычкова, они приволокли за волосы свою сверстницу по имени Рита на стадион, расположенный неподалеку от школы, и в течение двух с лишним часов избивали ее перед объективами камер. В результате, кроме сотрясения мозга и опасных для органов гематом, у девочки произошел закрытый компрессионный перелом позвоночника со смещением дисков. Правда, вождеденную премию получить не удалось: не дотянул “творческий коллектив” до трех часов. И не потому, что “рука бойца колоть устала”, а просто кто-то помешал. Но уже в тот же день восьмиминутный клип оказался в интернете. А еще журналистке Ирине Давыдовой, которая написала об этом чудовищном случае в статье “Денег и зрелищ”, школьники показывали минутный клип. В нем Риту и ее подружку Иру, пришедшую к ней на помощь, уже не только избивали, а и лихо убивали под бодрый рэповский мотивчик. Компьютерные технологии позволяют сейчас “подредактировать” документальную съемку, усугубив ее содержание. Убийство – это же круче, чем избивание! Соответственно, и смотреться будет с большим интересом.

Вторую историю хочется не пересказать, а процитировать. Тем более что она не такая длинная. “Новые известия” от 6 февраля 2008 года: “В городе Кольчугино Владимирской области на Вечном огне пьяные подростки сожгли человека. Несмотря на попытки местных властей замалчивать этот факт, скандал выплыл наружу, сообщает РЕН-ТВ. Вечером 1 января Алексей Денисов возвращался из гостей домой. Проходя мимо городского Вечного огня, он сделал замечание группе пьяных подростков, развлекавшихся прямо на воинском мемориале. Тут же началась драка, силы оказались неравны – четверо против одного. После того как защитник Вечного огня уже не мог сопротивляться, его ограбили и стали в буквальном смысле поджаривать на Вечном огне, держа за руки и за ноги.

Ольга Денисова, мать Алексея Денисова, сообщила, что “шанса не было. Они его уничтожали наверняка”. Тетя погибшего Марина Сторожкова рассказала: “Потом они его подняли за руки и положили на звезду лицом, и руки у него получились, как будто он лежал и обнимал звезду”.

Трагедия произошла в самом центре Кольчугино – напротив городского суда и в 50 метрах от местной администрации. Центр города уже превратился в неконтролируемый криминальный очаг, сообщает телекомпания... Сегодня семья Денисовых не только скорбит на могиле своего сына, внука и племянника, но и экстренно, под проценты, берет денежный кредит. На оплату услуг адвоката нужно 70 тысяч рублей. Бесплатный полагается только обвиняемым. Женщины боятся, что подонков признают “невменяемыми”, а сроки заключения будут оскорбительно малыми”.

Спустя полтора года родственники зверски замученного человека могли бы уже не хлопотать и не занимать такие огромные деньги на адвокатов. Летом 2009 года было торжественно объявлено, что в Кольчугино открылся ювенальный суд. А ювеналы, как известно, против “репрессивного подхода”. Так что теперь, боимся, в городке, центр которого “уже давно превратился в неконтролируемый криминальный очаг”, юные преступники почувствуют себя полновластными хозяевами жизни.

Жертвы прав не имут

В Приморско-Ахтарске, по крайней мере, произошло именно так. Ювенального суда там, правда, пока еще нет, но регион этот ювенально-пилотный. О чем журналистке, писавшей про девочек-конкурсанток, видимо, было неизвестно. В противном случае она бы вряд ли так недоумевала по поводу мягкости наказания. “Малолетним садисткам”, как назвала их автор статьи, дали 5 и 7 лет условно. Не удивил бы ее, знай она о ЮЮ, и тот факт, что заказчики садистского избивания в деле не фигурировали. И то, что общественность не была допущена в зал. Обе эти детали типичны для ювенальных процессов. Первая потому, что отсутствие “заказа”, а значит, злого умысла, снижает тяжесть преступления. А вторая – закрытость процесса – подается ювенальщиками как одно из средств защиты детей (то бишь несовершеннолетних преступников). Дескать, присутствие посторонних может травмировать хрупкую детскую психику. Хотя в данном случае, как и во многих других, ссылка на

хрупкость детской психики, по меньшей мере, неуместна. Юные преступницы несколько не испугались судимости. “Из зала суда, — пишет Давыдова, — выходили героинями”. И, никого не боясь, снова угрожали расправой своей недавней жертве.

На самом деле закрытость подобных процессов позволяет без всяких помех — ни со стороны родственников потерпевших, ни со стороны прессы и общественности — творить беззаконие. Все это весьма характерно для тоталитарных систем, каковой — на Западе об этом говорят все громче — и является ювенальная юстиция. Характерной особенностью этого образчика тоталитаризма является выгораживание преступников, а не защита жертв.

Причем, обратите внимание, это происходит даже в тех случаях, когда жертвы — тоже дети! И их права, уж если рассуждать в категориях защиты прав ребенка, надо отстаивать с повышенным рвением. Но ничего подобного в системе ЮЮ не наблюдается.

Взять хотя бы все тот же случай в Приморско-Ахтарске. Там ведь была не одна жертва, а две. На помощь Рите прибежала ее подруга, восьмиклассница Ира. И ее тоже зверски избили. За компанию. Но судебный процесс был выстроен таким образом, что она проходила по делу не как потерпевшая, а как свидетельница. И про побои, естественно, речь не шла. “Для защиты своих интересов им (Ире и ее маме. — Авт.) было предложено обратиться в суд в порядке частного обвинения по факту нанесения свидетельнице ... легких телесных повреждений. Дескать, подшутили над Ирой”, — пишет корреспондент.

Типичный пример ювенального отношения к несовершеннолетним преступникам и жертве приведен в уже упомянутой нами книге Гладиллина.

“В провинциальном городке, — пишет он, — молодежная банда угоняла машины. Пятнадцатилетний мальчик сказал своему отцу, что знает имена тех, кто украл у них машину. Отец, законопослушный француз, решил, что об этом надо официально заявить в полицию, и явился с сыном в участок. Там всё записали, поблагодарили свидетелей, а потом вызвали в участок юных угонщиков, сообщили им, что на них поступило заявление, погрозили им пальцем и... отпустили.

Что сделали семнадцатилетние “дети”? Почувствовав безнаказанность, они подкараулили парнишку и зарезали его. Причем резали долго и зверски. На трупе (теперь уже не пятнадцатилетний мальчик, а труп!) насчитали 14 колотых ран.

Сегодня об этом страшном происшествии написано во всех газетах, кричит радио и телевидение. Завтра успокоятся и забудут. Наказали ли полицейских? Нет, ибо полиция поступила политкорректно, ведь убийцы не виноваты, виноваты семья, школа, общество. Вот если бы угонщиков сразу арестовали, то пресса не забыла бы и продолжала крик. Ведь нынче какая главная тема во французских СМИ? Плохо, месье-дам, живется преступникам во французских тюрьмах! Тюрьмы переполнены”.

Переполнены? Неужели? А как же невиданные успехи по снижению преступности, которые нам обещает гуманное отношение к “лицам в конфликте с законом”?

— При чем тут несовершеннолетние? — возразят нам негибкие ювеналы. — Тюрьмы переполнены взрослыми уголовниками. А по детям совсем другая статистика.

По детям статистика, может, и более оптимистичная. Даже наверняка. Но у них, у детей, есть такое загадочное свойство: они взрослеют. И те из них, на чьи “шалости” закрывал глаза ювенальный суд, повзрослев, предстают перед судом для взрослых преступников (как “шалун” из гладилинской книги, на счету у которого к 18 годам было 500 тяжких “проказ”). И, соответственно, переполняют тюрьмы. Так что эта переполненность свидетельствует отнюдь не в пользу ювенального гуманизма. Просто расхлебывать его последствия приходится сотрудникам других ведомств. Ну, и, конечно, пострадавшим. Если тюрьмы переполнены — значит, и жертв полным-полно.

Наркотики: “от подростка к подростку”

Другим косвенным показателем “эффективности” ювенального гуманизма служит статистика по наркомании и алкоголизму. В Англии, например, каждый седьмой ребенок ДО 13 лет уже пробовал наркотики. Любопытная стати-

стика и у нас. Если посмотреть ранжированность территории РФ по уровню распространения наркомании, то окажется, что в Самарской области на 100 тыс. населения наркоманов 671,3 чел., в Иркутской – 522,6. А в среднем по России – 241,3. Почти в 3 раза меньше! Для справки: Самарская и Иркутская области – пилотные регионы по ЮЮ.

А 2 июня 2009 года главный санитарный врач России Геннадий Онищенко сделал заявление РИА “Новости”, что “органы власти всех уровней должны совместно бороться с курительными табачными смесями в России, которые имеют галлюциногенный эффект и разрушают психику”. Наибольшее распространение, по его словам, эти смеси получили в Краснодарском крае, Самарской, Саратовской, Ростовской областях и в Москве. То есть ОПЯТЬ-ТАКИ В ЮВЕНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ!!

С наркоторговлей вообще весьма интригующая история. Можем подарить ее кому-нибудь из авторов, подвизающихся в детективном жанре. Через многие ювенальные регионы проходят основные пути наркотрафика. Причем наркоситуация, как отмечалось 26 июня 2009 года в докладе директора ФСКН Виктора Иванова, серьезно ухудшилась. С 2001 года, когда Америка вторглась с “миротворческой миссией” в Афганистан, производство опиатов в этой стране, по данным ООН, выросло более чем в 40 раз. “В России, – цитируем доклад Иванова, – наркоситуация предопределяется героиновым давлением из Афганистана. Колоссальный поток так называемых тяжелых наркотиков афганского происхождения привел к тому, что 90% наших сограждан, страдающих от наркозависимости, – потребители именно афганского героина. В непосредственной близости от России складированы колоссальные запасы опиатов. Они, по оценкам специалистов, достигают триллиона разовых доз. Этого объема количеству наркоманов, равному по численности сегодняшнему населению России, хватило бы на 100 лет”.

Но ведь очевидно, что такие запасы копятя на наших границах не зря! Владельцам запасов дальше необходимо решить две ключевые задачи: как провезти наркотики в нашу страну и как их распространить. Мы остановимся на проблеме распространения.

“Наркотики, – отметил директор ФСКН, – продаются, в основном, там, где есть потенциальный покупатель. Это, в частности, окрестности школ, других учебных заведений, дискотеки”.

Что ж, вполне логично, поскольку в первый раз наркотики обычно пробуют в 15–16 лет, когда подростки уже становятся более независимыми от родителей и жаждут “взрослых” развлечений.

Кто же может стать наиболее успешным распространителем или, говоря по-русски, наркодилером в этой среде? Подростки – достаточно обособленная возрастная группа, усиленно напитываемая сейчас духом негативизма по отношению к взрослым. Зато сверстники и особенно те, кто чуть постарше, вызывают доверие и могут легко “заразить” своими интересами, увлечениями, пристрастиями. На этом, собственно говоря, основана технология массового информирования подростков и вовлечения их в различные неформальные сообщества. Помнится, мы впервые столкнулись с такой технологией в 1997 году, когда растление школьников под маской полового воспитания пытались осуществить по программе “От подростка к подростку”, для чего мальчишкам и девчонкам, которые прошли специальные тренинги и уже были готовы обучать других, выдавали диплом “секс-инструктора”. Похожий принцип вербовки применяют и сектанты.

Право же, было бы странно, если бы наркомафия пренебрегла таким технологичным принципом, как “равный обучает равного”. И она им, естественно, не пренебрегла. Тот, кто хоть немного “в теме”, может сразу вспомнить о роли жителей Таджикистана в распространении наркотиков на территории России. Екатеринбургец Евгений Ройзман, много и плодотворно потрудившийся для оздоровления наркоситуации в родном городе, в бытность свою депутатом Госдумы неоднократно пытался привлечь внимание к этому вопросу. В частности, он говорил, что через детей таджикских мигрантов наркотики быстро проникают в подростковую среду. Появления даже одного такого ребенка в московской школе нередко бывает достаточно для вспышки “наркоэпидемии”.

Но пока наркомафии мешают наше законодательство, по которому дети лишь до 14 лет не несут уголовной ответственности за свои преступления. То есть абсолютно безопасно может чувствовать себя двенадцати-тринадцати-

летний дилер. А ему — опять-таки по законам подростковой стаи — не очень легко внедриться в среду шестнадцати-семнадцатилетних, где наиболее вероятно найти устойчивый рынок сбыта. Поэтому взрослым подонкам, которые стоят за малолетками, принципиально важно повысить планку уголовной неприкосновенности. Лучше бы лет до 18, тогда прекрасно сработает принцип “от равного к равному” и — что еще эффективней! — “от несколько более старшего — к младшему”.

Гарантированное прикрытие

И тут лучше ЮЮ, пожалуй, ничего и не придумашь. По Международной конвенции о правах ребенка, которая является фундаментом для ЮЮ, детство определено как возраст до 18 лет включительно. Значит, дело за малым: надо смягчить законодательство. Собственно говоря, именно эти песни мы и слышим от наших ювеналов. Таких, например, как О. В. Зыков, который — надо же, какое удачное совпадение! — является не только правозащитником, но и наркологом. Сколько за последние годы он и его соратники гневно обличали “репрессивный подход” и “репрессивное мышление”, которые якобы и являются главным источником бед в области подростковой преступности.

Обратите внимание, как грамотно, по законам информационной войны, подобраны клише. Слыша прилагательное “репрессивный”, человек вспоминает об ужасах сталинских репрессий и тут же выдает желаемую реакцию: “Нет, нам не нужен репрессивный подход! Хватит! Мы это уже проходили!”

Очень профессионально выстроена и дальнейшая аргументация. Понимая, что общество может забеспокоиться по поводу уголовной ненаказуемости несовершеннолетних преступников, правозащитники заверяют нас в том, что тяжкие уголовные преступления, конечно, не должны оставаться безнаказанными. (Хотя Зыков — такой гуманист, что он и с этим не согласен. “Ребенок не может быть субъектом репрессий со стороны общества”, — заявил он “Парламентской газете” в 2006 году, см. статью “Суд без мантии и клеток”, 06.07.2006.)

Но ведь розничная торговля наркотиками и не считается сегодня в России тяжким преступлением. У нас не какой-нибудь там тоталитарный Китай, а демократическое государство! Поэтому совершенно очевидно, что при введении ЮЮ несовершеннолетние наркодилеры и их зрелые патроны смогут наконец почувствовать себя комфортно. Конечно, предпринимались и разные другие попытки обеспечить себе вожделенный комфорт. Например, упорно проталкивается идея введения так называемой заместительной терапии (когда герои предлагают заменить якобы лекарством, а на самом деле наркотиком метадон, который должен выдаваться наркоману бесплатно). Лоббируются программы “снижения вреда” (за которые опять-таки по странному стечению обстоятельств ратует Зыков), настраивающие молодежь на более “безопасное потребление” наркотиков. Нередко в рамках этих программ “потребителям” — тоже бесплатно! — выдают чистые шприцы. Чтобы обеспечить безопасное потребление.

Ну, и, конечно, нельзя не вспомнить печально знаменитое Постановление Правительства № 231 о средних разовых дозах наркотика, по которому целых два года торговцев смертью, пойманных с поличным, не сажали в тюрьму, даже если у них находили 9 разовых доз героина. Рынок, как было сказано в одной запомнившейся нам телепередаче, отреагировал благодарно...

В этой же передаче уже не раз упомянутый нами О. В. Зыков уверял телезрителей, что потребление наркотиков — это часть культурной традиции, в разных странах потребляют разные наркотики. И что табакокурение наносит куда больший вред здоровью, нежели героин (канал ТВЦ, передача “Московская неделя”, репортаж Сергея Игнатова).

Когда же развернулась борьба за отмену постановления, Зыков прикладывал большие усилия для его защиты. И очень переживал, что защитить не удалось. Ну, ничего. Ювенальная юстиция, если ее протолкнуть, решит сразу много вопросов. В том числе и обеспечит силам, заинтересованным в дальнейшей наркотизации нашей страны, надежное прикрытие.

Для большей внятности приведем очень типичный по нынешним временам пример. В одной интеллигентной московской семье с шестнадцатилетним подростком, с которым до сих пор особых проблем не было, стало твориться что-то неладное. Он сделался грубым, взрывным, неуправляемым, начал ки-

даться с кулаками даже на отца, к которому всегда относился очень уважительно, прекратил помогать по дому, хотя раньше выполнял достаточно много домашних поручений и охотно заботился о младших сестренках. У мальчика появилась сомнительная компания, с которой он проводил время в ночных клубах. И еще у него появились большие деньги. А ведь он ни дня не работал! Короче, мать заподозрила наркотики и обратилась к врачам. Те пообщались с парнем и подтвердили ее подозрения. По-видимому, им удалось нарисовать в беседе с подростком невеселую картину его ближайшего будущего, потому что он согласился сдать анализы и был уже готов пройти курс лечения в стационаре. Но потом, явно по наущению “старших товарищей”, которым не хотелось терять клиента и, как это часто бывает, успешного дилера, вдруг заговорил о правах ребенка и пригрозил родителям, что если они посмеют еще хоть раз заикнуться о больнице, он обратится в ювенальный суд и пожалуется на психическое и физическое давление с их стороны. В итоге родители вкупе с наркологами оказались совершенно бессильны.

И вот какая вырисовывается картина: с одной стороны, как мы уже писали, розничная и мелкооптовая торговля наркотиками не входит в список тяжких преступлений. А с другой, – поборники ювенальных судов, “слеза и стена” о несчастных малолетках, которых готовы посадить за царапины на автомобилях или кражу сотового телефона, никогда не упоминают о несовершеннолетних распространителях наркотиков. Этого вообще как бы не существует. Не ради них ли вся затея? Может, наше внимание специально привлекают к мелким воришкам и дворовой шпане, которой нравится портить чужое имущество? Кстати говоря, их и без ЮЮ строго не наказывают. В настоящее время около 70% приговоров несовершеннолетним выносятся условно. И не только за действительно мелкие провинности, но и за зверские избиения, заканчивающиеся для жертвы переломом позвоночника, как было в Приморско-Ахтарске, за изнасилования, в том числе групповые. А некоторые “детки” уходят от уголовной ответственности даже за... терроризм!

10 июня 2009 года, прессе было сообщено, что оперативники ФСБ и МВД России предотвратили в Москве крупный террористический акт, который планировался в канун Дня Победы.

“Задержанный – шестнадцатилетний житель Люблино, который в домашних условиях изготовил восьмикилограммовое взрывное устройство. Но привлечь задержанного к уголовной ответственности не представляется возможным, так как он является несовершеннолетним”, – отметил источник в силовых структурах, сообщивший эту новость.

Не прошло и недели, как в столице судили молодых выходцев с Кавказа, которые, по некоторым данным, входили в группировку “Черные ястребы”. 6 мая 2008 года они напали на двоих юношей славянской внешности. Произошло это в вагоне метро, среди бела дня, на перегоне между станциями “Киевская” и “Смоленская”, то есть в центре Москвы. В результате один из пострадавших получил пулевое ранение в лицо и ножевое в область сердца, а другой, шестнадцатилетний одиннадцатиклассник, колото-резаную рану в область правого легкого. Восемь подозреваемых удалось задержать. Однако, по сообщениям СМИ, лишь двое из них находятся под арестом, а остальные шестеро, ввиду несовершеннолетия, под подпиской о невыезде.

Предоставляем читателю удобную возможность поразмыслить о новых перспективах этнической преступности в свете ювенальной юстиции (с учетом того, что, даже переехав в Москву, многие кавказские подростки соблюдают традиции – носят при себе ножи), а также снова обратить внимание на однобокий гуманизм ювеналов-правозащитников, которые и в этом случае почему-то не поспешили встать на защиту шестнадцатилетнего пострадавшего.

“Невинные воришки” сотовых телефонов

Сами же мы хотим вернуться к теме сотовых телефонов, которая одно время усиленно эксплуатировалась сторонниками ЮЮ. При ближайшем рассмотрении оказывается, что с кражей мобильных телефонов тоже не все так просто. Начнем с того, что это одно из самых массовых преступлений. По данным МВД за 2008 год, каждое пятое (!) уголовное преступление в России было связано с сотовыми телефонами. Поэтому довольно странно квалифицировать это как некую не стоящую внимания досадную мелочь. Очень уж отдает

попустительством такое благодущие. Кроме того, если до 70% приговоров несовершеннолетним выносятся условно, и, судя по информации из различных источников, они и за гораздо более серьезные преступления нередко отбываются легким испугом, то сажают за сотовые телефоны отнюдь не ювенальный контингент. Или что, их за изнасилование и разбой не сажают, а за мобильники сажают? Если так, то встает вопрос о профпригодности судей. Но дело скорее в банальной манипуляции.

Ну, и на закуску самое любопытное. Редко кто ворует из любви к искусству или чтобы потренироваться в ловкости рук. Обычно хотят или завладеть какой-то вещью, или выручить за нее деньги. Мобильный телефон – это быстрые деньги. Продать его не составляет большого труда. В Москве, например, нередко можно увидеть молодых людей с табличкой “Куплю сотовый телефон”. А теперь зададим вопрос: кому настолько срочно, – ну, прямо позарез! – могут понадобиться относительно небольшие деньги, что он готов на аморальный и к тому же рискованный поступок? Ситуации, конечно, бывают разные. Но чаще всего так ведут себя люди зависимые. В основном, наркоманы. Известно, что ради дозы они готовы совершить и гораздо более тяжкие преступления. Выгораживая тех, кто крадет сотовые телефоны, ювеналы затушевывают проблему и, по существу, выгораживают наркоманов. Своеобразное у них все-таки человеколюбие. Оно носит ярко выраженный выборочный характер. И сам выбор тоже своеобразен...

Сухая статистика

В начале статьи мы привели несколько красочных примеров того, какие плоды приносит ЮЮ на Западе. Теперь немного сухой статистики. В Европе за последние 10 лет число преступлений, совершенных несовершеннолетними, возросло на 30%. С начала 1990-х показатели детской преступности в 16 странах выросли более чем в 2 раза. Даже в благополучной Швеции за последние полвека число таких преступлений увеличилось в 20 (!) раз (в то время как показатель взрослой преступности вырос лишь в 4 раза). Каждый третий британский подросток в возрасте от 14 до 15 лет признался, что хотя бы раз в жизни совершал правонарушение. Лидер подростковой преступности – США. Здесь убийства, совершаемые подростками, происходят в 70 раз чаще, чем во Франции или Англии, и в 10 раз чаще, чем в Канаде. В США, правда, достаточно свободно продается оружие, и его, по данным американского Министрства образования, имеет при себе каждый пятый школьник. Если бы такая свобода была в Европе, то не обязательно Америка лидировала бы по шкале убийств. Поэтому, когда нам навязывают западные модели ЮЮ при том, что она там дала такие горькие и гнилые плоды, волей-неволей напрашиваются психиатрические аналогии. Ведь это типичное расщепление сознания!

– А у нас все по-другому! – не теряются ювеналы. И бодро рапортуют, что в пилотных регионах подростковая преступность снижается, а рецидивы – так вообще падают до нуля. Ну, как тут не вспомнить анекдотичный случай, происшедший с советским дипломатом на встрече с английским коллегой!

Британец спрашивает: “Скажите, пожалуйста, какая смертность в Советском Союзе?”

Наш, заподозрив подвох, от ужаса ляпнул: “Практически нулевая”. И, чтобы не остаться в долгу, тут же вернул вопрос: “А в Англии?”

– Практически стопроцентная, – с неподражаемым английским юмором ответил представитель Туманного Альбиона.

Ну, а если без юмора, то гляцевые показатели пилотных регионов, заставившие нас вспомнить вышеприведенный курьез, вызывают большие сомнения. Не будем долго утруждать читателя, приведем всего несколько цифр. В 2007 году первый заместитель начальника УВД по Ростову-на-Дону Сурен Симоньянц заявил, что количество преступлений, зарегистрированных в Ростовской области, с начала года увеличилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 12% (см. сайт “Росбалт Кавказ” www.rosbalt.ru/2007/10/24/425058.html). При этом на 20% снизилось количество правонарушений, совершенных подростками.

Другой чиновник, начальник управления организации деятельности участковых уполномоченных милиции и подразделений по делам несовершеннолетних МОБ ГУВД Ростовской области Сергей Жуков в том же году сообщил на

пресс-конференции, что подростковая преступность снизилась на 5,6%. И при этом добавил, что 22 территории Ростовской области, в том числе Таганрог (где с 2004 года действует ювенальный суд), Каменск, Мясниковский, Милютинский, Куйбышевский, Волгодонский и Октябрьский районы имеют сегодня рост преступности (<http://www.taganrog.su/node/4232>).

В начале 2008 г. прокуратура Ростовской области, подводя итоги прошедшего года, отметила, что преступность растет, а раскрываемость падает. Последнее, может, тоже способствует улучшению ювенальной статистики?

А еще через 3 месяца, обнародовав статистику борьбы с преступностью за первый квартал 2008 г., ГУВД Ростовской области доложило, что количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось. В 2007 г. было 707 эпизодов, а стало – 772. Рост, как нетрудно посчитать, составил 11%! (www.rostov.ru/town/comments/2008/04/22/1151581.)

В начале же 2009 г. заместитель генерального прокурора России Иван Сыдорук выразил обеспокоенность тем, что в Ростовской области увеличилось количество преступлений экстремистского характера и преступлений, совершенных группой лиц. (От себя добавим, что такие преступления, в основном, совершаются юношеством.) Еще он сказал, что преступления на территории области в 2008 г. снизились на 5%, но отметил, что число преступлений на ее территории больше, чем в целом по ЮФО (по официальным данным, 2046 преступлений на 100 тыс. населения в Ростовской области, а в ЮФО – 1466). Разница, согласитесь, существенная. Как-то не чувствуется облагораживающего влияния ювенальной профилактики.

А прокурор области Валерий Кузнецов, в свою очередь, заявил, что процент снижения преступности, о котором говорят сотрудники официальных органов, на деле гораздо ниже (<http://41/kavkaz-uzel.ru/articles/149471>).

Впрочем, не будем далее “грузить” читателей цифровыми сводками. По этому поводу очень точно, на наш взгляд, высказался старший оперуполномоченный по особо важным делам ГУУР СМК МВД России полковник милиции В. Е. Рабунский. “Не стоит обманываться якобы наметившейся в последнее время тенденцией к снижению преступности несовершеннолетних, – несколько лет назад предупреждал он, – за последние 13 лет несовершеннолетнее население России сократилось на 10 млн (!). Если говорить о какой-то тенденции в состоянии преступности несовершеннолетних, то это тенденция НЕИМОВЕРНОГО РОСТА ОСОБО ТЯЖКИХ И ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (выделено нами. – Авт.)! Только число убийств, совершенных несовершеннолетними, выросло за 13 лет более чем в 3 раза!”

Еще определенной высказался заместитель генпрокурора РФ С. Н. Фридинский: “К сожалению, появился и негативный опыт этой работы (речь шла о ювенальном “реабилитационном” подходе к решению проблем подростковой преступности. – Авт.). В частности, в Москве, когда появились эти программы социальной реабилитации, договоры заключались и с судебными органами, и с органами внутренних дел, а деятельность так называемых координаторов фактически сводилась к примирению потерпевших с виновной стороной В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ (выделено нами. – Авт.). Этот опыт не направлен на повышение правосудия. Этот опыт был направлен на разваливание уголовных дел и, я убежден, на получение денег”.

“Дети улиц” – Москва, Ульяновск, далее... везде?

С. Н. Фридинский сказал это в 2006 г., а не так давно, в 2009 г., Ю. М. Лужков, которого никак уж не заподозришь в реакционности, – он живо откликается на всяческие новшества – раскритиковал концепцию городской программы “Дети улиц”. Весьма ювенальную по духу, в рамках которой давно проводится якобы успешная работа по профилактике беспризорности, алкоголизма, преступности, СПИДа и наркомании – словом, все то, что нам сулят чадолюбивые правозащитники. Еще в середине 90-х гг. депутат Е. Балашов и его помощница С. Волкова прославились на всю страну раздачей подросткам презервативов. Можно сказать, они были пионерами российского секс-просвета постперестроечной эпохи. Но плоды этой многолетней ювенальной “профилактики” и “реабилитации”, как мы видим, не вызвали у Лужкова большого оптимизма. И неудивительно. Юрий Михайлович отметил, что количество преступлений в Москве, совершенных подростками, выросло с начала года на 17%. Причем, по его словам, среди привлеченных к ответст-

венности становится все больше москвичей. “Раньше это были те, кто приезжал из Подмосковья и регионов. Сегодня это очень опасный индикатор”, – сказал он.

Впрочем, ювеналы и на этот раз, наверное, не растеряются. Нетрудно угадать их предполагаемый ответ хозяину столицы: зачем же привлекать к ответственности? Это все равно ничего не даст! Дети не виноваты! А не будешь привлекать – и статистика поменяется в лучшую сторону... Как это уже произошло в “пилотном” Ульяновске.

Слава Богу, у нас пока что информация распространяется не только от подростка к подростку, но и от подростка к взрослому. Один такой подросток, приехавший из Ульяновска, рассказал взрослому юристу, что там творится. Разговор, как это часто бывает, начался с ерунды. Дело было в парке. Мимо мчались девчонки и мальчишки на роликовых коньках. Юрист спросил гостившего в Москве племянника, катается ли тот на роликах. Парень, вздохнув, ответил, что в его родном городе это невозможно – побьют. Изумленный юрист, естественно, потребовал объяснений.

Оказалось, что значительная часть ульяновских подростков (парень сказал “две трети”, но, быть может, цифра несколько преувеличена) входит в подростковые группировки, и город поделен между ними на зоны влияния. Группировка диктует входящим в нее форму одежды и поведения. Детей туда стараются втянуть, начиная с младших классов. Все, и малыши тоже, платят мзду для пополнения “общака”. Старшие взимают с младших, дополняют своими взносами и сдают “наверх”. В этом есть криминальная справедливость: группировки обещают своим членам защиту и покровительство, а рядовые члены должны содержать руководство. Словом, всё как у взрослых.

Даже днем подросткам бывает небезопасно переходить из района в район, на “чужую территорию”. Потерпевшие обычно молчат или, если они члены группировки, решают вопросы на “стрелках”. Учителя делают вид, что ничего не происходит. В случае конфликтов не вступаются. “Дел регистрируется очень мало (то есть статистика в порядке), а латентная преступность огромна”, – прокомментировал юрист, делаясь с нами впечатлениями от беседы с племянником.

Пятнадцатилетнему племяннику тоже не раз предлагали войти в группировку, но он отговаривался занятиями в спортивной секции: дескать, много тренировок, недосуг. Его отказ уважили, но как бы мимоходом поинтересовались: “А кто за тебя хлопотать будет, когда тебе стукнет восемнадцать?”

– Понимаете, что там творится? – пояснил юрист. – Криминальная модель спустилась в школы, чтобы потом распространиться на всю жизнь человека до гроба. Чтобы без мафии было уже и шагу не ступить. – И добавил, что одновременно с этим (он навел справки по своим каналам) в Ульяновске очень сильно увеличилось число изъятий детей из семьи.

– В общем, ювенальная модель в действии, – подытожил юрист.

“У Черного моря...”

А теперь попросим вас, если вы успели позабыть начало нашей статьи, вернуться назад и перечитать примеры из области психиатрии. Мы рассказывали об определенной симптоматике, когда цель и средства ее достижения разнятся до абсурдной противоположности. Казалось бы, шаги, предлагаемые ювеналами в отношении несовершеннолетних преступников, очень напоминают описанную выше клиническую картину. Но поскольку все они вполне успешные, социализированные люди, можно предположить другую, отнюдь не бредовую логику действий. Так могут действовать в тех случаях, когда заявленная цель не соответствует реальной, а служит для нее дымовой завесой, прикрытием, маской.

Для наглядности взять хотя бы человека, который должен ехать в Мурманск, а отправляется в Сочи. Он совсем не обязательно сумасшедший, и не факт, что его маршрутные кульбиты – следствие безумия. Более того: они могут носить чисто виртуальный характер. На самом деле пассажир и не планировал поездку на север, а намеревался поехать на юг. И билет он купил в Сочи, где его ждет дама сердца, а также две путевки в уютный маленький пансионат на морском берегу. Вот он и вынужден врать про командировку в Мурманск, чтобы ревнивая жена, которой вечно мерещатся измены, ничего не заподозрила и не сорвала такой классный отдых.